

Александр Снегирёв

Внутренний враг

Часть сборника
Бил и целовал (сборник)

Александр Снегирёв

Внутренний враг

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снегирёв А.

Внутренний враг / А. Снегирёв — «Эксмо», 2016

«— Это Степан? — каркнул из трубы незнакомый старик. Домашним телефоном Миша не пользуется. Раньше звонили материны знакомые, коллеги. Выражали соболезнования. О смерти матери не знавшие удивлялись, как это так, такая еще молодая, что же случилось, плохие врачи, вот у меня врач хороший, на ноги поставил. Миша от звонков этих устал, устал от удивления малознакомых людей, удивления, за которым поблескивала радость превосходства: они-то живы. Многие любопытничали, выспрашивали подробности болезни и очень разочаровывались, узнав, что болезни никакой не было. Не было страданий, паралича, ложных надежд, знахарей-шарлатанов, вонючих простыней, пролежней. Сосуд лопнул. И все. Интересующихся Мише еще на похоронах хватило, один ее сослуживец все в гроб заглядывал — проверял, хороша ли коллега в своем последнем макияже. Однажды Миша перестал поднимать трубку, и звонки сами собой прекратились. На этот раз звонок разбудил его, он долго ворочался и прятался под одеяло, собрался было выдернуть шнур или поднять трубку и сразу же положить, но сдался, приложил трубку к уху...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снегирёв А., 2016
© Эксмо, 2016

Александр Снегирёв

Внутренний враг

© Снегирёв А., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Это Степан? – каркнул из трубки незнакомый старик.

Домашним телефоном Миша не пользуется. Раньше звонили материны знакомые, коллеги. Выражали соболезнования.

О смерти матери не знавшие удивлялись, как это так, такая еще молодая, что же случилось, плохие врачи, вот у меня врач хороший, на ноги поставил. Миша от звонков этих устал, устал от удивления малознакомых людей, удивления, за которым поблескивала радость превосходства: они-то живы. Многие любопытничали, высматривали подробности болезни и очень разочаровывались, узнав, что болезни никакой не было. Не было страданий, паралича, ложных надежд, захарей-шарлатанов, воюющих простыней, пролежней. Сосуд лопнулся. И все. Интересующихся Мише еще на похоронах хватило, один ее сослуживец все в гроб заглядывал – проверял, хороша ли коллега в своем последнем макияже. Однажды Миша перестал поднимать трубку, и звонки сами собой прекратились. На этот раз звонок разбудил его, он долго ворочался и прятался под одеяло, собрался было выдернуть шнур или поднять трубку и сразу же положить, но сдался, приложил трубку к уху.

– Это кто?! – рявкнул, срываясь, голос.

Вот мерзкий старикашка. Поколение грубиянов. Это кто? Тебя надо спросить «это кто?». Сдержав раздражение, Миша представился с манерно-шутовским вызовом:

– Михаил Глущецкий к вашим услугам.

В трубке воцарилась тишина. Миша начал злиться. Разбудил, а теперь молчит. Уж не окочурился ли неизвестный пенсионер на том конце провода? Миша ахнул, проверяя у собеседника пульс.

– Валентину позови, – отозвался старик.

Ну вот, опять. Какой-то на ладан дышащий тип хочет говорить с матерью, которая скоро год как в могиле.

Миша уже выучился отвечать: «Она умерла». Отвечать не запинаясь. Отвечать и не смотреть после этого по часу на какой-нибудь предмет, который такого пристального внимания не заслуживает.

– Она умерла.

В трубке опять провал. Но не такой продолжительный, как предыдущий.

– А ты ей кто?

– Послушайте! – не выдержал Миша. – Хватит мне тыкать! Вы сами-то кто? С какой стати меня допрашиваете?

Молчание.

– Ты сын Валентины?

– Ну сын, дальше что?!

В голосе старикашки Миша чуял военную привычку говорить коротко, не просить, отдавать приказы. Военных он терпеть не мог. Солдафонов. Пока он боролся с желанием высказать в трубку все, что думает по поводу военных, обязательного призыва и дедовщины, стариака заговорил:

– Ты не Миша Глущецкий. Ты Степан Васильевич Свет.

После смерти матери Миша остался без родственников. Отца не помнил, о нем мать рассказывала разное. То отец был ее однокурсником в педе, то моряком, то сотрудником иностранного посольства. Ничего определенного. Не будь мать строгой чопорной училкой, Миша мог бы решить, что она и сама толком не знает, от кого залетела. Еще в раннем детстве он обнаружил странность – он носил фамилию матери. У остальных детей фамилии были отцовские. Сколько Миша мать ни расспрашивал, ничего взятного добиться не мог и однажды просто потерял интерес к своему происхождению.

– Это друг твоего дедушки тебя беспокоит.

– Мой дедушка давно умер.

Трубка ненадолго затихла.

– Я говорю про отца Васи, папаши твоего беспутного.

– Моего отца зовут Григорий, – возразил Миша.

Глупо утверждать, что твоего отца зовут Григорий, только потому, что отчество у тебя Григорьевич. Миша понял это, еще не успев прозвенеть «и» кратким в конце имени предположительного родителя.

– Вася с Валентиной Степаном тебя назвали. В честь деда. В честь его деда. Он мне сам говорил. Вася был кобель и пьяница, разбежались они быстро. Валентина тебя от папашки отграживала, отчество тебе придумала. Я чего звоню: Вася лет пять как помер, и дед твой недавно… – Старик замолк. – Он мне велел найти тебя и дом перевести. Квартирка еще была, да Вася пропил. Мне недолго… Приезжай. К нотариусу надо.

С улицы летел звон, хруст и грохот. В подъезде меняли окна, старые рамы сваливали в железный контейнер.

* * *

Выходило, никакой он не Миша. Не Михаил Григорьевич Глушецкий, не очкарик-переводчик, у которого папа за морем, за границей, черт знает где, а Степан Свет, у которого папаша-алкаш в земле сырой. Миша-Степа снова подивился матери, ее умению хранить тайну, ее ощущению своего права унести эту тайну в могилу.

Даже мелькнула мысль, не ловушка ли это. Нет ли у него тайных врагов, кому он не угодил на переговорах, ошибся с переводом, импорт с экспортом перепутал. Заманят в глухое место – и убьют. Но разыгравшаяся фантазия не подкреплялась реальными фактами. Никаких врагов Миша припомнить не мог, никто к нему претензий не имел, а работать на переговорах, касающихся секретной информации, он сознательно отказывался.

Вечером в гости заглянула Катя. Возлюбленная. Любовница. Девушка. С Катей он уже несколько месяцев. Принесла бутылку, стала что-то резать, жарить и смешивать. Миша теребил пальцы, отвечал невпопад.

– Так как тебе идея? – Катя поставила перед ним тарелку.

– Идея неплохая, но стоит подумать…

– О чем тут думать, каждый день буду тебе готовить, чего ты такой напуганный?

Миша очнулся: о чем это она, о какой такой идеи спрашивает его мнения?

– Я люблю тебя и хочу просыпаться рядом с тобой. – Катя опустилась на пол у его ног, положила голову ему на колени. Волосы распались, сверкнула молния пробора.

– Мне предлагают работу в Лондоне. Контракт на год с возможностью продления. Я думаю… – Она смотрела на него снизу вверх.

– Да-да… Знаешь, сегодня такой странный человек звонил…

И он рассказал ей подробности утреннего разговора. Ничего не утаил, даже секрет своего имени.

— А я-то думала, что влюбилась в еврейского интеллигента! — рассмеялась Катя. — Степан Васильевич Свет! Имя больше подходит какому-нибудь генералу госбезопасности. Генерал по контролю за оборотом тьмы.

Обсудив таинственного посланца от покойника-деда, они решили, что все это похоже на маловероятную, но все же правду. Завтра Катя с самого утра занята, Миша вполне может ехать один, посмотрит, что и как, и если вся эта история — не ошибка слабоумного старика, он познакомит с ним и ее.

Миша отложил работу, отменил встречи, сказав, что должен уделить время пожилому родственнику, и отправился на поиски таинственного семейного дома, в котором ныне обитал душеприказчик его родного деда.

Зарабатывал Миша переводом: участвовал в подписании договоров между компаниями, присутствовал на встречах банкиров. Иногда его приглашали на переговоры представителей бизнеса с политиками, где одни давили, а другие пытались отаться как можно дороже. Такие встречи были единственным соприкосновением Миши с миром полученной в университете профессии.

В конце двадцатого века Миша изучал политическую науку, а в самом начале века двадцать первого на торжественной церемонии, перед которой под залог паспорта студентам выдали магистерские мантии и шапочки с квадратным блином и кисточкой, получил диплом с державным золотым тиснением. Ректор пожал Мише руку. Отныне он именовался магистром политических наук. Вот только политика к тому времени в стране закончилась.

В последнее десятилетие двадцатого века, десятилетие беспредела и надежд, в России начали готовить профессионалов для обеспечения работы демократической многопартийной системы. Студентов учили быть консультантами при партийных вождях, мудрыми советниками президентов, знатоками опыта прошлого, предостерегающими от повторения ошибок. Ведущим преподавателем был молодой еще мужчина, успевший побывать и министром, и советником, и депутатом, а теперь временно ушедший в науку, чтобы скоротать ожидание новой должности. В заключение семинаров он любил рассказать историю из своего недавнего славного прошлого, делился хохмами о встречах руководителей государств, потчевал молодежь байками об известных государственных деятелях. Этот бывший любил приговаривать, что вот, мол, скоро назначение, уже в кулуарах решают и вот-вот снова его призовут, вставят обратно в обойму, ведь без его опыта и мудрости ну никак... Прошел год, другой, политический олимп заполнили новые люди, у которых были свои застоявшиеся приближенные, и прорвущегося из университетского стойла, постаревшего раньше времени хохмача позабыли.

Миша думал, что сможет принести стране пользу, сможет применить свои умения. Он верил, что знания Алексиса де Токвиля, Хайдеггера и Леви-Стросса, транслируемые через него, уберегут Россию от очередной диктатуры, обеспечат свободу и процветание.

Вышло иначе. К моменту получения золоченого диплома, когда преподаватель притих и прекратил хорохориться, когда иссякли и стали повторяться его анекдоты, а сам он все больше хлопотал, как бы дочку выдать замуж за европейца да о зарплате, растущей слишком уж медленно, политические выборы превратились в скучное представление с предсказуемой развязкой, пузырь лопнул, и след от него затянула привычная русская тина, ровная и бескрайняя. Цепляясь за веру в авторитарную, но просвещенную власть, Миша попробовал было встроиться в этот механизм, но, столкнувшись с тем, что единственной константой любых действий является только выгода начальственной группировки, ушел. С тех пор кормил Мишу другой, полученный параллельно, лишенный всякого тиснения диплом переводчика с английского языка и обратно.

Следуя подробным указаниям старика и карте, Миша катил деревенской улицей, которая ворочалась под автомобилем, выставляя все свои горбы. С обеих сторон желто-ржавой октябрьской мочалкой наползали кусты, свешивались ветлы и валились дома, будто пьяные, жаждущие поговорить по душам. Улица в русском селе – не то обстроенная избами вместо трибун арена, не то русло пересохшей реки. Края неровные, дома не в линию, а как-то вокруг. Здесь и кусты растут, и целые деревца, и тропки стихийные разбегаются. Посреди такой улицы можно кровать поставить, хоть вдоль, хоть поперек, лежать себе и наблюдать светила – никто не потревожит.

Деревня всего километрах в восьмидесяти от города выглядела необитаемой: большинство домов прорастали изнутри деревьями, несколько избенок покрепче со следами свежей краски были законсервированы до следующего лета. Ни лая собак, ни кудахтанья кур. Старик дал четкие инструкции, и Миша, вопреки опасениям, без труда нашел нужный дом на самом отшибе, у поля. Облезлые ветви перли поверх линялых, истлевших, мягких от старости досок забора. Сизый, крытый шифером, накренившийся сруб напоминал уснувшего пса.

Отогнув, согласно обстоятельным телефонным указаниям, проволоку, Миша распахнул калитку. Точнее, калитка выпала на него, едва он освободил ее. Пройдя по усыпанной листьями дорожке, он поднялся по гнилым ступенькам. Постучал. Стеклянная дверь веранды передразнила звоном.

– Эй, есть кто?! Это Миша!

Только теперь он сообразил, что не знает имени старика. Во время вчерашнего разговора тот не представился. После нескольких минут тщетного стука и криков, на которые никто не отзывался, Миша дернул дверь – та оказалась открытой, и он вошел на веранду.

Потрескавшийся, подбитый гвоздиками линолеум. Дрожащий пол. От каждого шага позывкают стаканы в серванте. Обои, разрисованные выцветшими цветочными гирляндами. Несвежий дух.

– Добрый день! Миша приехал! – прокричал Миша. – То есть Степа. Я приехал!

И тут же вздрогнул от чужого прикосновения. Даже подпрыгнул. Чего тотчасстыдился. Позади него в кресле сидел круглоголовый старик в черной ватной телогрейке, в синих заношенных трениках, заправленных в шерстяные носки: один носок был высоким коричневым, с вывязанной на нем снежинкой, другой – короткий серый с красным штопаным и снова прошитым мыском. Старик толкал Мишу концом клюки:

– Не шуми.

Миша вдруг понял, что не знает, как поздороваться. Пожать руку? Просто кивнуть? Может, обнять...

От старика заметно попахивало. Миша решился на рукопожатие.

– Здравствуйте! – неестественно громко крикнул он, забыв о просьбе не шуметь.

– Чего орешь, я не глухой пока.

– Михаил Глущецкий по вашему приказанию прибыл, – шутливо отрекомендовался Миша на военный лад. Пенсам ведь нравится все военное, с оттенком великолдержавности.

Старик презрительно фыркнул:

– Какой ты Глущецкий, чтобы я этой жи... – Старик оборвал себя. – Этой... нерусской фамилии больше не слышал! Ты – Свет!

Он наконец протянул Мише руку. Миша пожал.

– Чего ты меня тискаешь, встать помоги!

Костлявые пальцы вцепилась Мише в ладонь. Дернули. Его мотнуло к старику. Дурной запах ударил в нос. И даже куда-то в лоб. Под кость. Вспомнил фреску Микеланджело. Создатель протягивает руку свежесотворенному Адаму. А вот если бы Адам протягивал руку Творцу, одряхлевшему, немощному и больному... Вставайте, папаша, созданный вами мир гниет и разваливается, переезжаем в другой, а этот спалим.

Поднявшись на дрожащих ногах, старик обнаружил себя некрупным и сгорбленным грибом с мохнатыми ушами. Белые брови были густы чрезвычайно, отдельные длинные волосинки торчали кошачьими усами-антеннами, закручиваясь на концах, надбровные дуги выступали буграми. Нос с черными порами и пучками из ноздрей заметно выдавался. Рот до конца не захлопывался. Правая рука мелко дрыгалась. Миша обратил внимание, что старик на него не смотрит. Плялится в пол, в стену, на Мишины кроссовки – куда угодно, только не смотрит в глаза.

– Паспорт взял? – переведя дух после подъема с кресла, спросил старик, изучая растянутые джинсы на Мишиных коленках.

– Взял.

– Завтра к десяти к нотариусу поедем дарственную составлять. Дом этот тебе останется. Есть хочешь?

– Еще не проголодался, спасибо, – отказался Миша, стараясь, чтобы голос звучал веселее.

– Что? – переспросил строптивый старик. Он все-таки был туговат на одно ухо.

– Есть пока не хочу! – громко повторил Миша.

– Не ори.

С того первого их телефонного разговора старик ни разу не попросил, а только и делал, что отдавал приказания. В другой раз Миша бы возмутился, встал бы в позу, но встреча с этим человеком, выпрыгнувшим из небытия, так поражала и занимала, что Миша не артачился, не своеевольничал и выполнял все требования.

Миша был воспитан нежной одинокой матерью, которая обрушилась на него всю свою нерастраченную страсть. Любил разговоры ласковые, задушевные. За сутки, прошедшие со вчерашнего утра, он успел нафантазировать общение с приятелем родного деда, которого никогда не видел. Разговор этот Миша представлял себе в ключе несколько идиллическом. Вот они сидят у камина или у печки, старик рассказывает истории из жизни его деда, вспоминает об удивительных подвигах, с гордостью за то, что был его другом, имел, так сказать, честь, а напоследок благосклонно сообщает, что Миша, то есть Степа, похож на того Степу в молодости, ох как похож. В реальности же старик ничего подобного не проделывал, ничего рассказывать не собирался, и ждать нежностей от него явно не приходилось.

Вцепившись в Мишину руку, он вошел с веранды в избу. Ступая медленно, подстроившись под шаг старика, вдыхая вонь как можно более скрупульно, Миша осмотрелся. Грязь повсюду накопилась необычайная. Как покрытый водорослями песок на дне морском колышется от колебаний воды, так пущистый ковер пыли дрогнул от волны воздуха, поднятой распахнувшейся дверью. Пыль бархатилась повсюду. Мише показалось, что он угодил в жилище существа, обитающего на таких глубинах, куда никогда не спускались ни водолаз Кусто, ни отшельник Немо. Большой круглый стол был заставлен бесчисленными склянками, коробочками с лекарствами – вместе они напоминали макет города, где главными часами был остановившийся будильник. Некоторые склянки были не такими пыльными, как другие, что говорило о том, что хозяин изредка употребляет их содержимое. Над столом висела бронзовая люстра без плафона. В двустворчатом книжном шкафу стояло несколько потрепанных томиков с незнакомыми именами и названиями на корешках. Мише почему-то запомнилась книжка «Голубые сугробы». За стеклами буфета была кое-как расставлена случайная посуда: несколько бокалов, рюмок с золотыми каемками, стопка тарелок, чашка. На стене висела большая черно-белая фотография, запечатлевшая молодого мужчину в гимнастерке с петлицами на вороте и с ремешком через правое плечо. Погоны на его плечах не было, форма явно довоенная или первые годы ВОВ.

– Дед твой, – прокомментировал старик. Хотя смотрел в другую сторону и никак не мог знать, что Миша заметил фотографию.

Умение видеть затылком напугало Мишу. Что-то звериное было в этом.

Странный у него был дед: жил с каким-то мужиком, который теперь на его фотографию любуется и наследство его определяет. Мишу отвлек неприличный и вместе с тем характерный звук, который у людей часто случается, но который не принято производить в обществе.

– Калоприемник, – объяснил старик, и голос его показался Мише смущенным. – Рак прямой кишкы. Четвертая стадия.

Они доплелись до кухоньки. Стол был накрыт, точнее – облеплен старой, напитанной продуктовыми соками газетой. Из миски с нарезанными помидорами лениво поднялись осенние мухи. С голой загаженной лампочки свисала липкая, хрустящая, шевелящаяся от мух лента. Пузатый холодильник «ЗИС» распирала плесень, буйно расползающаяся из его железного чрева. Нутро холодильника, как и хозяйское, безнадежно загнило. Старик опустился на единственную табуретку и принялся за помидоры, отправляя их в рот трясущейся вилкой. Прооперированная кишка снова пукнула. На этот раз более смачно.

– Чего встал, коли есть не хочешь, – буркнул едок, понимая, какое отвращение он вызывает у гостя.

По бледной, в коричневых крупинках лысине ползла муха.

– Там… – Старик едва заметно указал рукой. – Там комната для тебя. Раньше в ней Вася жил. – И красная помидорная слюна длинным жгутом повисла на его губе.

Вечером хозяин велел спилить засохшую яблоню. Бензопила хранилась у него под кроватью. В сарае пилу не оставлял, опасался воров. Миша быстро приоровился к опасному инструменту и свалил старое дерево. Хруст последних волокон подпиленного ствола, падение и шелестящий удар ветвей о землю. Ствол Миша порезал на короткие чурки. Руки ломило, улыбка в опилках растягивала лицо. Никогда прежде он не пилил дров бензопилой и теперь испытывал радость простого труда. Ту радость, что выдувает из головы любые мысли, делает счастливым.

Ворочаясь на старом жестком диване, он вдыхал запах чистых, но долго пролежавших в шкафу, а потому затхлых простыней. В доме было прохладно – дедок оказался скрягой, запретил «попусту жечь» дрова. Электрический нагреватель имелся только один, в его комнате.

Непривычные звуки сада, отсутствие автомобильных гудков и сирен, скрипы дома, шебуршение мышей тревожили Мишу. Только он погружался в дрему, холодильник вздрогивал и начинал тарахтеть своим сталинским мотором. Пол и межкомнатные перегородки трясились. Чашки в буфете дребезжали.

Но сильнее всего Мишу тревожили мысли. Вечером, выйдя прогуляться, он позвонил Кате и подробно рассказал ей о встрече с загадочным стариком, о том, что переночует в доме, а завтра рано утром повезет его составлять завещание. Имя старика он так и не узнал. Спросил раз, но тот не рассыпал или сделал вид. Миша постеснялся продолжить расспросы, решил, что старик мог представиться еще при первом их разговоре по телефону, просто из головы выскоцило, и теперь неудобно выказывать такую забывчивость.

Когда Мише все-таки удалось заснуть, ему приснилось, что в комнату ввалился огромный черный медведь. Зверь скалил клыки, вцепился когтистыми лапами в Мишино горло. Оцепеневший от ужаса, Миша не мог пошевельнуться, только рука одна непроизвольно упала в щель между стеной и диваном. Пальцы коснулись чего-то гладкого, деревянного. Топорище. Рука налилась силой. Хрипя под медвежьими лапами, Миша выхватил топор и рубанул зверя по голове. Медведь ослабил хватку. Миша стал молотить топором по медвежьему лбу как попало – острием, обухом, плашмя… Бил, пока не опомнился. А когда опомнился, ничего от головы медвежьей не осталось, а веки Мишины слипались от медвежьей крови.

От ужаса перед самим собой, перед собственной жестокостью Миша проснулся. В окно стучала ветка. Он пошарил между диваном и стеной. Пальцы нашупали гладкую деревянную рукоять. Вытащил находку. В тусклом свете раннего утра разглядел топор.

За спиной булькнуло. Миша подскочил. Руки сами собой дернулись, чуть топором себя в лицо не ударил. Обернулся. В двери стоял старик. Старомодный, кургузый, но опрятный коричневый пиджак, того же цвета брюки. Темный галстук. Черные начищенные ботинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.